

ОГЛАВЛЕНИЕ

ПРОЛОГ	6
ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.....	10
ЧАСТЬ ВТОРАЯ	173
ЭПИЛОГ	301
КРАТКИЙ СЛОВАРИК ВОЕННЫХ ТЕРМИНОВ СВО.....	315

*Посвящается Владимиру Калининке,
погибшему в боях за Авдеевку*

Нет больше той любви, как
если кто положит душу свою
за друзей своих.

*Евангелие от Иоанна,
15:13*

ПРОЛОГ

Промка начиналась с Локомотива. Локомотивом называли развязку донецкой автострады, которая уходила от Ясиноватой на северо-запад в сторону Краматорска. С неё штурмовые группы заходили на задачу.

Грунтовка, ведущая на Локомотив от Дозора-ноль, была защищена насыпью со стороны Авдеевки, а значит, ночью можно было незаметно и относительно безопасно проводить ротацию, заводить группы, подвозить «бэка» и забирать раненых. Сам Локомотив вечно находился в движении, сюда стекались все подразделения, штурмовавшие промку, всё кипело, бурлило и материлось.

Каждые десять минут под мост залетала «буханка», спешно выгружала бойцов, «бэка», воду, бензин, забирала раненых и вышедших на ротацию и также молниеносно уезжала. Грудами по разным углам лежали выстрелы от РПГ, мины, генераторы, упаковки с водой, сухпайком, какие-то доски, скобы, мешки.

Бойцы кучковались у самодельных костров, разведённых в ржавых железных бочках, стараясь согреться. Со стороны хохлов по Локомотиву работало всё и часто: комик, стволка, миномёты; но полотно моста, построенного ещё при Советском Союзе, надёжно защищало от горячего железа.

В строительной тачке, стоявшей неподалёку от крайней опоры моста, лежал ооченевший труп. Видно было, что боец пролежал как минимум неделю, тело успело вмёрзнуть в изрытую взрывами землю, и отдирали его вместе с кусками пиксельной формы. На труп бойца никто не обращал внимания, он был такой же частью пейзажа, как лужи с застывшей грязью, как упаковки с водой, как цинки с патронами.

С пролётов моста стекала вниз и колыхалась на зимнем ветру зелёная строительная сетка, вся в дырах от попаданий камикадзе. Между опорами стояли два бойца с топорами и колотили из досок и привезённого бруса подобие блиндажа. У одной из стен вырастающего строения лежал в грязи пулемёт «Корд» без треноги, рядом гнездились около десятка цинков к нему. В строительных мешках, как горох или просо, россыпью топорщились патроны.

Бойцы грелись у костров, ожидая своей очереди. На промку выдвигались мелкими группами, по три-пять человек с интерва-

лом не менее двадцати минут. Так было проще проскочить, не привлекая внимания противника. Помимо оружия и личных вещей, бойцов старались нагрузить всем подряд. Не имело значения, какого ты полка, какого отряда. От каждого подразделения был свой старший на Локомотиве, но все команды и приказы тонули в этом хаосе, как камень-голыш, пущенный лягушечкой по воде.

— Братан,хвати соляры пятишку? Ты же не сильно нагружен?

— Да куда мне? У меня ствол, «бэка», рюкзак...

— Ну рука-то свободна одна... Надо, брат! Надо! Там наши воют уже без соляры... Выручай.

— Хрен с тобой.

— Вот и ладненько! На Черёмухе спросишь Клыка — отдашь ему.

— А это что за хрень?

К пятилитровой баклахе с соляркой был скотчем примотан пакет.

— Тут вынос для рации. Он вообще ничего не весит!

— Твою мать...

«Черёмухой» назывался в хлам разбитый дом на окраине промки в начале Ясиноватского переуллка. Даже не дом, а груда бетона и битого кирпича. Верхние этажи были снесены до основания от прямых попаданий сто двадцатого миномёта и танковых снарядов.

Но со стороны траншеи, если перебежать простреливаемую дорогу и нырнуть в дыру в бетонной стене, был вход в подвал. Именно там собирались группы перед отправкой на разные укрепления авдеевской промзоны. Именно там заканчивалась власть худо-бедно работающей армейской машины и начиналась собственно промка со своими законами и порядками, где человеческая жизнь стоила дешевле, чем бутылка с водой.

Попав на «Черёмуху», или, как её ещё называли, «четырку», ты понимал, что поставленная перед выездом задача здесь не имеет веса и никого не волнует. Твои командиры остались там, за Локомотивом, а здесь всё по-другому. Здесь ты просто единица, «карандаш», которого могут отправить на штурм с чужим подразделением просто потому, что ты оказался рядом, прошёл мимо и попал под руку.

Связь с Локомотивом работала через радиостанции глушил противник, а проводную связь регулярно перебивало осколками. На «Черёмухе» также был старший от каждого полка, но вопросы решались уже по-другому. У кого из старших яйца были крепче, тот и командовал, а остальные плыли в указанном направлении.

На «Черёмухе» начинался первый круг ада.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

1

Инженер проснулся за пять минут до подъёма. Он лежал без движения, с головой укутавшись в спальник, и, не открывая глаз, на слух определял, что происходит в роте. Вот дежурный подошёл к столу, осторожно, чтобы не лязгать, снял крышку с металлического бака, ковшом зачерпнул воды, по очереди наполнил стоящие рядом электрические чайники. Это не входило в его обязанности, но стало доброй традицией в сапёрной роте — вскипятить воду парням перед подъёмом. Потом он, не торопясь, экономя крайние секунды сна, направился по коридору к тепловой пушке, включил её, чтобы прогреть помещение. Пушка утробно загудела, вбирая в себя волглый подвальный воздух. Это значит, что ровно через тридцать секунд (именно столько времени нужно, чтобы пройти от тепловой пушки до электрощитовой в конце коридора) дежурный включит свет в поме-

щении. На обратном пути к своему посту он, проходя мимо грубо сколоченных шконок, спокойно и не повышая голоса произнесёт: «Мужики, просыпаемся! Время!» Никаких тебе «рота, подъём». Сон товарищей — это святое.

Инженер слышал, как рота зашевелилась, парни нехотя просыпались, брели в туалет и курилку. Кто-то сразу шёл к умывальнику, чтобы успеть налить в кружку кипятка. Инженер не хотел вставать, не хотел вылезать из тёплого спальника. Он ещё минут десять лежал с закрытыми глазами, но сна уже не было; сон растаял, испарился. Начинался новый день, и никто не знал, что он принесёт в этот раз. И снова перед бойцами во всей неприглядности вырастала единственная задача: дожить до вечера.

Дежурным по роте был Доцент. После подъёма ему надо было отдежурить ещё два часа, потом он мог отправиться спать после ночной смены. Глаза у Доцента были красными от усталости.

— Как ночь прошла? — спросил Инженер.

— Нормально.

Где-то на улице бахнуло. Ударная волна гулко разбилась о металлические двери подвала.

— Меньше долбить стали. Боги войны, мать их...

— Прилёты были?

— Нет. Только наша арта работала. Всё летит в Авдеевку.

— Парни не вернулись?

— Нет ещё.

Ночью группа сапёров ушла на задачу. Утром был назначен штурм на южном фланге Авдеевки, со стороны мостов перед «Царской охотой». Сапёры должны были поддерживать штурмовиков и по команде уронить на позиции хохлов «Змея Горыныча». С вечера долго выбирали точку запуска, высчитывали по азимуту направление, расстояние, по формуле определяли массу заряда. Сошлись на том, что надо запускать с лесополосы у Дозора-ноль. До противника от точки запуска было не больше трёхсот метров. За ночь нужно было скрытно выдвинуться, подтащить пусковую установку УР-83П, реактивные двигатели к ней, заряды ДКРП, всё это бесшумно собрать под носом у хохла и запустить в назначенный час. На задачу ушли Вожак, Француз, Помидор, Поэт и Шукай. Инженер не сомневался в опыте товарищей, но сосущее чувство тревоги не покидало его.

Установка разминирования УР-83П, или в просторечии «Змей Горыныч», не была предназначена для уничтожения укрепов противника. В штатную комплектацию входили мощные тросы, которые удерживали заряды на месте. Реактивные движ-

---

ки, улетев на положенное расстояние, вытягивали шланги с зарядами в стометровую линию, тросы тормозили инерцию полёта двигателей, заряд падал на землю, подрывался, тем самым образуя шестиметровый проход в минных полях противника на глубину сто метров. Неизвестно, кому первому пришла в голову мысль запустать ДКРП без троса и использовать пятьсот килограммов пластида в качестве авиабомбы, но задумка прижилась в войсках. За неимением других средств поражения. Самым трудным было рассчитать массу заряда и выставить азимут. Отклонение на несколько градусов могло свести на нет все усилия группы. Всё зависело от точности попадания, которая хромала по целому ряду причин. Но артподдержка штурма обещала быть жиденькой, по всему направлению наметился ощутимый снарядный голод, а штурмовать неподавленные огневые точки — это верное самоубийство. Сапёрам нужно было сотворить чудо. Впрочем, они это умели, не впервой.

Завтракать не хотелось, не было аппетита. Инженер выпил кружку кофе натошак и побрёл в курилку. Первая утренняя сигарета привычно горчила.

— Скажи мне, дорогой друг, как тебе спалось? — в курилке уже сидел Медведь и лениво пускал кольца сизого дыма.

— Хорошо, но мало, — ответил Инженер.

— Это не правильный ответ.

— А какой правильный?

— Братан, ты как будто телегу не смотришь... Кормят хорошо, Родину люблю, в отпуск не хочу, сплю до отвала!

— Про «сплю до отвала» там не было.

— Э-э-э... Ты демоверсию смотрел. В оригинале всё есть.

— А если и кормят плохо, и в отпуск хочу?

— Чего это плохо сразу?

— Ну, не вкусно.

— А это никого не колышет. Теперь ты в армии...

Чуть больше месяца продолжался штурм Авдеевки. Он начался 10 октября 2023 года, и сразу стало понятно, что все задачи, которые рота выполняла до этого, были лёгкой прогулкой, разминкой перед серьёзной работой. В первом же штурме на их участке фронта погибли трое сапёров: Хопеш, Каспер и Охта. Официально парни числились пропавшими без вести, так как вытащить тела не было никакой возможности. Но обозначение «б/п» в журнале вечерней поверки никого не могло обмануть.

Текущую работу в роте никто не отменял. Инженер выпил ещё кружку кофе и начал собираться в цех.

Вчера разведчики привезли двадцать выстрелов от СПГ, надо было похимичить

с ними. Выстрелы ПГ-9 для станкового гранатомёта «Копьё» были штатно оснащены самоликвидатором в донной части взрывателя. Советские конструкторы не были дураками, и сделано это было для того, чтобы граната гарантированно взорвалась на стороне противника, если она не встретит препятствия после шести секунд полёта. Но это же обстоятельство не давало возможности запускать гранату на максимальную дальность. Сапёрам надо было её разобрать, вытащить донный взрыватель, разобрать уже сам взрыватель и удалить самоликвидатор. Потом в обратном порядке всё собрать. В таком режиме выстрел ПГ-9 летел так далеко, насколько позволял маршевый двигатель, и можно было кошмарить ближайшие тылы хохлов, срывать им ротацию, в общем, держать в тонусе.

Инженеру помогал Малой — высокий молодой парень, всегда весёлый и немного наивный, похожий на щенка-подростка, которому ещё интересен окружающий мир, которому в радость носиться по полю без конкретной цели, расходуя силы просто потому, что они есть в избытке.

Малой деловито зажимал гранату в тисках, самодельным ключом выкручивал прижимную гайку в донной части боеприпаса, вытаскивал круглогубцами взрыватель и подавал его Инженеру. Все движения было доведены до автоматизма.

— Знала бы моя мама, чем я здесь занимаюсь...

— Не надо, не говори ей.

— Я и не говорю, — улыбался Малой.

Инженер, орудуя двумя «шведками», отвинчивал крышку взрывателя, тоненькими щипцами аккуратно вытаскивал самоликвидатор, завинчивал крышку обратно. Малой собирал гранату.

В мастерскую забежала Динка — рыжая сука, которую взяли в роту ещё щенком. Командир считал, что в роте обязательно должна быть собака: для охраны, чтобы вовремя голос подавала, когда на позицию зайдёт чужак, для поиска мин. Планов на собаку было громадье, но все они пошли прахом. Как сапёрная собака Динка оказалась бесполезна, запах взрывчатки ей был по барабану. Чужаков же она не облаивала из своей исключительной любви к людям — перед каждым встречным виляла хвостом и ластилась, тыкалась сырой довольной мордой в колени, выпрашивая съестное. В общем, бесполезная оказалась сука, но бойцы к ней привыкли. Она была чем-то вроде талисмана роты.

Динка покрутилась в мастерской, а потом вдруг села и тихонечко заскулила, протяжно и очень тоскливо.

— Ты чего, подруга? — спросил Инженер. — Тебя не покормили утром?

Но Динка только виляла хвостом и продолжала подвывать.

— Давай перерыв сделаем, кофейку попьём, — предложил Малой.

— Сколько готово?

— Пятнадцать «морковок».

— Давай.

Настроение испортилось.

— Парни не возвращались? — спросил Инженер в роте.

— Пока нет.

— Пора бы им уже...

Кофе показался противным, горьким. Всё казалось противным. Занозой в сердце заседала тревога.

По коридору располагив шёл Гувер, командир роты. Инженер напрягся. Командира в роте боялись как огня. Власть его была абсолютной и безоговорочной. Командир подошёл к кухонному столу, налил в тарелку с бич-пакетом кипятка из чайника.

— «Морковки» подготовили? — спросил Гувер без приветствия.

— Готовим, в процессе.

— А чего сидим тогда?

— Товарищ майор, кофе зашли попить, замёрзли.

— Это вы не замёрзли ещё. Мёрзнуть вы будете на боевых. Чтобы к обеду всё было готово. Доклад мне лично.

— Есть.

— На жопе шерсть.

Инженер помолчал немного, потом спросил:

— От парней нет информации?

— Нет.

— А как штурм утренний?

— В процессе... Макс, не выноси мне мозг, без тебя тошно.

— Есть не выносить мозг.

Когда майор появлялся в распоряге, покидая свою комнату в конце коридора, все старались придумать себе какое-нибудь занятие, срочную работу. Словно ветерок пролетал над шконками, приводя в движение бойцов — уже взрослых, в общем-то, мужиков.

Гувер был жёстким командиром, в чём-то даже жестоким; любой, самый незначительный проступок всегда карался строго и неотвратимо. На этом держалась его единоличная власть командира. Но при этом чутьё он имел звериное. Когда рота впервые прибыла в ДНР в составе полка и окопалась в одной из многочисленных лесополос на окраинах Ясиноватой, он, несмотря на промозглый январь, запретил бойцам разжигать костры. Рота натурально замерзала, но никто не посмел ослушаться. Впрочем, все усилия по маскировке были сведены на нет после прибытия комендантского батальона. Их бойцы и офицеры разве что только фейерверк не устраивали. И Гувер занервничал. Его бук-